

СНИМЕМ ШЛЯПЫ

БЛИЗИТСЯ К ЗАВЕРШЕНИЮ РЕСТАВРАЦИЯ МХАТ

«Дирекция покорнейше просит дам, занимающих отдельные места, снимать шляпы» — эту запись у входа в партер показывает мне Глеб Павлович Белов, руководитель реставрации МХАТ. «Надпись, — пояснил Белов, — сделана давно, в 1902 году, при первом капитальном ремонте-переделке этого здания, но современный зритель может увидеть ее лишь в будущем году, после окончания реставрационных работ». Действительно, скоро нам предстоит увидеть МХАТ таким, каким он был задуман его создателями...

На рубеже веков Россия ждала рождения нового театра — им стал МХАТ, художественно-Общедоступный. Уже прогремели овации трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», уже высоко взлетела чеховская «Чайка». Первые спектакли Художественно-Общедоступного театра открыли зрителю новые приемы режиссуры, актерская игра стала иной: сдержанной и простой, лишенной наигрыша.

Наступил 1902 год, год, когда «Чайка» становится символом театра. Старый особняк в Камергерском переулке — в лесах. За работу взялся академик архитектуры, единომышленник К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, друг А. П. Чехова Федор Осипов Шехтель. Начинается реконструкция — превращение особняка в театр.

Все строго, все подчинено одной задаче, которую поставили перед собой творцы Общедоступного: на пути зрителя в зал не должно быть ярких пятен, излишних украшений, все должно подготовиться его к спектаклю, к тому мигу, когда раздвинется занавес.

Нижние фойе. Черные мореные еловые доски обрамляют крашеную мешковину, чуть выше — фотографии артистов театра и сцены из спектаклей. Здесь можно после уличной толчеи расслабиться в приглушенном свете латунных фонарей.

Но и в зале зрителя ничто не должно отвлекать от будущего действия: спокойный тон стен без традиционного золота, фонари без хрусталя. И лишь когда погаснет свет, перед зрителем на сцене вспыхнут краски декораций, костюмов. В конце того же 1902 года реконструкция старого особняка была завершена. Сейчас трудно предсказать, что более восьмидесяти лет назад зритель, прохаживаясь в фойе еще пахнувшего свежей краской театра, обсуждал премьеры — «На дне» и «Вишневый сад».

Появлялись все новые и новые спектакли, шли старые. Сменялись поколения актеров и зрителей. Были всякие времена. Здание приходилось не раз ремонтировать и так постепенно, шаг за шагом, терялся авторский замысел, даже знаменитые черные еловые панели фойе были заменены на дубовые.

Архитектору Г. Белову предстояло воссоздать интерьер таким, каким его создал Шехтель. Только интерьер, и ничего другого (сценическую часть на самом современном уровне

делает институт «Гипротейтр»). Только интерьер — не из руин по фотографиям слепить блестящий замок в стиле барокко. Только интерьер существующего театра, при наличии нескольких авторских эскизов, а на это ушло почти восемь лет огромного труда — такая щепетильная, тонкая была работа. Если можно так выразиться, delicate реставрация, которая по кропотливости сродни археологическим раскопкам.

Слой за слоем пришлось снимать краску многочисленных ремонтов, сделанных в

разные годы, пока не докопались до первоначального, шехтелевского. Требовали вычинки витражи, меняли скобянку, светильники, меняли не на новые, а делали копии — а это непросто и нескоро делается. Позаботились и о том, чтобы восстановить кресла такими, какими их видели первые посетители Художественного.

Важное место в жизни старого театра занимал чайный буфет. Там труппа вместе с Чеховым, Горьким обсуждали пьесы, говорили, шумели, волновались. Солнечный свет из окон золотом отражался в солонке, которая была в те годы на стенах. «Это, пожалуй, единственное помещение театра, — поясняет Г. Белов, — стилистику которого полностью не воссоздать; пожарные сами превращаются в стену, когда слышат о соломенных покрытиях стен».

...В старом здании вновь воссоздается мхатовская атмосфера, время словно шагнуло назад, к началу века, когда возмущенная публика спешила к началу спектакля и дамы, следуя призыву, снимали шляпы. Снимем шляпы и мы...

С. СИНЯВИН.

Фото Н. Самойлова.